

ПЕРЕПИСКА В КОМНАТЕ

I

Одиночество (поэма)

Когда человек одинок, о нем вспоминают люди. Такой человек еще не одинок, не самодовлеющ. Когда у одинокого есть вещи и их любовно хранят люди, они, видя вещи, вспоминают одинокого. Такой одинокий еще не одинок.

Но когда одинокий раздаст любимые вещи, люди, осязая бывшие его вещи, постепенно научаются не думать о нем. И одинокий постепенно становится одинок, становится самодовлеющ.

На Востоке человеческая молва — семьдесят пять дней. На Западе память человеческая — два года, а на третий год мысли о человеке стираются. Одинокий предстает перед лицом великого одиночества.

Радость разливается в одиноком, и ужас безумных сомнений сковывает волю одинокого. Сможет ли он вынести тяжесть величия одиночества?

Радость вступает в борьбу с ужасом и торжествует тяжкую победу, отбросив великий ужас. Ужас снова и снова возвращается к борьбе. Но радость одиночества каждый раз торжествует победу.

Одинокий забыт и весь в себе, в великом ужасе торжествующей победы.

Одинокий остается в великой тайне сам с собой.

14/XII-32

II

Обезьяны (поэма)

Когда человек еще не поселился в обезьяньем мире, о нем вспоминают люди. Такой человек еще не человек, не самодовлеющ. Когда в мире кроме обезьян есть еще что-нибудь, люди, зная это необезьянье, вспоминают человеческое. В таком мире человек еще не человек.

Но когда человек окончательно поселяется в обезьяньем мире, люди, осязая человеческое, постепенно научаются не думать о нем. И человек постепенно вселяется в обезьяний мир, постепенно становится человеком.

На Востоке обезьяний мир созерцателен, на Западе он деятелен. В России он объединил восточное созерцание и деспотизм с западной рационализацией и методизмом и внутренне преобразил все бытие.

Радость разливается в том, кто вселился в обезьяний мир, и ужас безумных сомнений сковывает волю вселившегося. Сможет ли он вынести тяжесть величия своего пребывания в обезьяньем мире?

Радость вступает в борьбу с ужасом и торжествует тяжкую победу, отбросив великий ужас. Ужас снова и снова возвращается к борьбе: нет ведь никого и ничего кроме обезьян! Но радость каждый раз торжествует победу.

Вселившийся забыт и весь в себе, в великом ужасе торжествующей победы.

Вселившийся остается в великой тайне с самим собой, ибо только он знает бытие и мир, весь обезьяний и непрестанно гогочущий мир: нижние обезьяны гогочут над неодушевленной природой, средние обезьяны гогочут над нижними, обезьяньи ангелы над средними, обезьяньи архангелы над обезьяньими ангелами; и, наконец, над всем миром раздается непрестанный хохот и гоготание единого и истинного Орангутанга, покоровшего небесную, земную и преисподнюю.

Л.

15/XII-32

III

Это себе вещь! (ода)

Небо оплодотворило землю, и земля родила человека.

Но человек был наг.

Человек сказал: в наготы моей срам мира сего. И создал человек вещи, спрятал в вещах наготу свою и думал, что сделал мир человеческим.

Вещь сначала была малым фиговым листом и прикрывала малый срам человека. Человек вложил в вещь частичку духа своего, и фиговый лист стал расти, множиться и наполнил собой мир человеческий. Наполнив мир, дух вещи покорила дух человека.

Человек, потонув в море вещей, уже не ощущал своей наготы и возвысил вещь над ближним своим и радостно восклицал:

— Вот моя мудрость и мое человеческое!

Создав из вещи кумира, ему на жертвеннике пролил кровь и слезы ближнего своего. Когда же вещи стали красны от крови и люди захлебывались от слез, человек сказал:

— Вы думаете — это плач человеческий? — Нет, это гогот обезьяний, ибо человек без фигового листа хочет в мир обезьяний.

— Вы восстаете против фигового листа и не хотите нести на алтарь его страданье свое!

— Вы, обезьяны, поймите!

IV

Это вам не вещи!

(не-ода, шутка в одном действии)

Бог — любил бытие, и — создал небо и землю.
Бог любил жизнь, и — создал человека.
Человек любил бытие, и — сделал его тюрьмой.
Человек любил жизнь, и — решил убить Бога.
Человек решил убить неуничтожимое, и — стал обезьяной.
Человек сделал все, чтобы убить, и — сделал мир обезьяньим.
И заплакал сам человек, — началась история человечества.
И подумал: «Сладко быть богом!», и наполнилась история
обезьяньим хохотом.

Но Бог — любовь, потому и — ад.
И человек — слезы, потому и — рай.
И ад, и рай, это ты — родное и всегдашнее!
«Ты нам трагедию не ломай! Ты нам подавай комедию!»
Вот тебе и комедия: шел я, пьяный, да и упал в грязь. «Эх ты,
мать твою...»

Это вам не вещи. Это — комедия!

Л.

19/XII-32

V

Любовь в аду или комедия в раю

Хаос прозвенел в бесконечности фикцией.
Фикция стала словом, фикция стала богом.
И решил бог в творчестве реального мира преодолеть свою фикцию, и создал небо, землю и человека.
В поисках самопознания и первопричины бытия человек неизменно наталкивался на фикцию.
В начале бе фикция!
Тщетно пытался человек разбить хаос бытия на добро и зло и в благе спастись от зла.
Благо прозвенело в хаосе фикцией и утвердило реальность зла.
Спасаясь от реальности злого ада, человек создал фикцию благого рая.
И ад стал реальностью, и рай стал фикцией.
И поместил человек в аду сатану и в раю бога.
Сатана сказал человеку:
— Фикция захотела стать реальностью и создала безумие!
— Фикция всеблагого бога претворилась в реальность безумия сатаны!
— Фикция райского счастья претворилась в страдание реального ада!
— Фикция любви претворилась в комедию реальности!
— Твои искания всемогущего и всеблагого ты, человек, претворил в служение мне — сатане!
И отвечал человек:
— Я искал в боге истины, любви, красоты и счастья, но нашел в тебе, сатане, ложь, ненависть, уродство и несчастье.
Сатана отвечал:
— Ты искал фикции и нашел реальность.
— Познай в реальности отрицание фикции. И возопил человек в мире:
— Но бог, бог всеблагой!..
Мир наполнился хохотом, и человек познал фикцию.

20/XII-32